

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.13>

UDC 94“13”:929
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2023
Accepted: 31.10.2023

CHTHONIC COSMOLOGY IN THE EPITAPH OF GEORGE ACROPOLITAN ON THE DEATH OF EMPEROR JOHANNES III DUCAS VATATZES

Evgeny V. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article critically examines the epitaph of George Akropolites on the death of Emperor Johannes III Ducas Vatatzes. The Epitaph of George Akropolites is a remarkable example of Byzantine rhetoric. The highly educated Byzantine author, proud of his splendid education and skillful rhetorician, fully expressed in this work his knowledge of ancient topics and biblical aesthetics. *Methods and materials.* The article is written in the context of hermeneutic methodology. We assume that the epitaph of George Akropolites requires a deeper interpretation, which will help to reveal the implicit meanings hidden in the text of George Akropolites. *Analysis.* First, in the epitaph of George Akropolites, Charon is synonymous with death. This is not an ancient reminiscence, as it may seem, but a popular character of the Acritic folklore of the 9th – 11th centuries, popular among the military class. Akropolites would soon become acquainted with this class, becoming praetor in 1256, when he would be extremely unsuccessful in commanding an army in western Macedonia. Secondly, it is worthwhile to look closely, following K. Praechter, at the expression of George Akropolites “the emperor became the paranáloma of Charon”. In our opinion, paranáloma is an extremely interesting word that takes us into the archaic and chthonic world and presents George Akropolites as a remarkable connoisseur of a wide variety of philosophical and medical texts, particularly the Neoplatonic writings of John Philoponus (c. 480–570) and Simplicianus of Cilicia (c. 490–560). *Results.* In summary, we have before us a whole literary tradition revolving around a natural-philosophical reading of the folkloric underworld and Charon, which gives for George Akropolites a large stock of metaphors and an opportunity to show his education.

Key words: George Akropolites, epitaph, rhetoric, Charon/Charos, acritic songs, “underworld”, paranáloma, garbage.

Citation. Stelnik E.V. Chthonic Cosmology in the Epitaph of George Acropolitan on the Death of Emperor Johannes III Ducas Vatatzes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 177-182. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.13>

УДК 94“13”:929
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2023
Дата принятия статьи: 31.10.2023

ХТОНИЧЕСКАЯ КОСМОЛОГИЯ В ЭПИТАФИИ ГЕОРГИЯ АКРОПОЛИТА НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ИОАННА III ДУКИ ВАТАЦА

Евгений Викторович Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье критически рассматривается эпитафия Георгия Акрополита на смерть императора Иоанна III Дуки Ватаца. На наш взгляд, в тексте Акрополита можно выделить еще два пласта значений. Первый из них – это фольклорный слой представлений, который проникает в эпитафию через образ Харона/Хароса и эстетику акритских песен IX–XII веков. Византийский автор вводит сюжет схватки императора со смертью в лице Харона/Хароса, чем подчеркивает, что умерший император прожил жизнь настоящего война. Недаром именно Иоанн III Дука Ватац играет такую большую роль в византийском фольклоре. Вторым пластом, который, несомненно, должен был продемонстрировать эрудицию автора, это неоплатонические

трактаты и медицинские сочинения авторитетных античных авторов. Это очень своеобразный набор «научных» текстов, в которых ученые рассуждения растворяются в достаточно архаичном хтоническом мировоззрении. Это хтоническое мировоззрение построено на идее своеобразного символического обмена между миром живых и миром мертвых. Ключевым понятием в этом мировоззрении является слово *παράναλωμα*, которое раскрывает механизмы этого архаичного метаболизма.

Ключевые слова: Георгий Акрополит, эпитафия, риторика, Харон/Харос, акритские песни, «нижний мир», параналома, мусор.

Цитирование. Стельник Е. В. Хтоническая космология в эпитафии Георгия Акрополита на смерть императора Иоанна III Дуки Ватаца // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 177–182. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.13>

Введение. Эпитафия великого логофета Георгия Акрополита (ок. 1217–1282 гг.) на смерть никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца (умер 3 ноября 1254 г.) [12, р. 12–29] уже не раз попадала в поле зрения византистов. Это вполне объяснимо.

Эпитафия Георгия Акрополита является замечательным примером византийской риторики. Высокообразованный византийский автор, гордящийся своим великолепным образованием [29, р. 278], искусный ритор [11, р. 7], в полной мере выразил в этом сочинении свое знание античной топики и библейской эстетики. Чтение этой эпитафии, по словам К. Прехтера, – увлекательная задача, которая «напоминает расплетение сложной паутины различных нитей» [28, S. 479].

Текст эпитафии, по своей сути, набор античных значений и образов, в компиляции которых Георгий Акрополит проявил свою значительную литературную эрудицию. Перед читателем эпитафии предстают «крепкие стены Вавилона», племя авсонов, Стентор, Платон, Тит Веспасиан, Пифия, Плутон, Харон и многочисленные скрытые цитаты и выражения греческих и римских авторов.

Мастерство византийского ритора гармонично вплетает в эту античную ткань христианские ссылки на Евангелие от Иоанна, книгу Плача Иеремии, на Второе послание к Коринфянам, Книгу пророка Исаяи.

Такое смешение образов замечательно отражает риторический характер эпитафии Акрополита. Античные реминисценции пересекаются с христианскими значениями, создавая яркую ткань образов, но одновременно и пустоту. Метафоры удачно «нейтрализуют» друг друга, пустая форма, в конце концов, создает эффект театральности и искус-

ственности. Не даром, как писал в свое время румынский византинист Н. Йорга, Акрополита отличает достаточно замысловатый стиль [20, р. 287].

В конце концов выясняется, что всемирная катастрофа – смерть императора Иоанна Дуки, не так уж и ужасна, а даже желательна, так как его сын и законный приемник (Феодор II Ласкарис, который и заказал Акрополиту написать эпитафию [14, S. 16]) намного лучше. Утешение, которое следует за плачем, оказывается более важным. Возможно, такая диспропорция вызвана еще и личными мотивами, Георгий Акрополит не мог забыть публичную бастонаду (сорокалетний Акрополит получил 24 или даже 48 ударов), которую ему устроил император Иоанн Дука в 1252 г. [14, S. 6].

Эпитафия Георгия Акрополита представляет собой широкое поле для поиска смыслов, чем и привлекает к себе исследователей.

Так, К. Прехтер исследовал в эпитафии «аппарат античной риторики» (синкретизм, экфразис, полисиндетика, анафора и пр.), считая, что по большей части он заимствован из трудов античных литераторов, Менандра (342–291 гг. до н. э.), в частности [28, S. 484]. К. Прехтер искал и находил ссылки Акрополита на тексты Аристотеля и неоплатонические сочинения [28, S. 489–490].

В.Е. Вальденберг в статье 1929 г. [33] находил неявные концепции политической власти, которые в конечном счете сводятся к платоновской идее царя-философа [33, S. 94].

П.И. Жаворонков в 1986 г. реконструировал на основе эпитафии мировоззрение Георгия Акрополита как историка, делая акцент на социально-политических убеждениях византийского автора [1, с. 126].

Эпитафия Георгия Акрополита многослойна и прекрасно иллюстрирует сложную византийскую интеллектуальную культуру XIII века.

Методы. Статья написана в контексте герменевтической методологии. Мы исходим из того, что эпитафия Георгия Акрополита требует более глубокой интерпретации, которая поможет выявить неявные смыслы, скрытые в его тексте. Для такого прочтения необходимо учитывать исторический контекст эпитафии Георгия Акрополита, личность автора, риторические законы жанра и особенности мышления византийских интеллектуалов XIII века.

Анализ. Задачей нашей статьи станет распутывание совершенно другой «нити». Мы попытаемся реконструировать мировоззрение Георгия Акрополита, но мировоззрение, не выработанное философскими штудиями и размышлениями, которое не стыдно представить на суд крайне узкого общества византийских интеллектуалов, а мировоззрение хтоническое, наполненное «народной» магией и фольклорной логикой. Нас будут интересовать представления византийского автора о смерти, темы не всегда приличной, которая должна быть точно не актуальной для Георгия Акрополита как автора богословских сочинений.

Нашей целью будет рассмотрение образа Харона и связанных с ним обстоятельств смерти в эпитафии Георгия Акрополита. На наш взгляд, этот образ, с одной стороны, имеет очень интересное «народное» происхождение, с другой стороны, является отсылкой Акрополита к очень интересному, но слабо изученному пласту натурфилософских сочинений, уходящих своими корнями к своеобразному неоплатоническому прочтению трактата Аристотеля «О душе» Иоанном Филопоном (ок. 480–570 гг.) и Симпликием Киликийским (ок. 490–560 гг.) и медицинским трактатам Гиппократ, Эрасистрата и Галена.

Во-первых, в эпитафии Георгия Акрополита Харон – это синоним смерти [12, р. 13]. Это не античная реминисценция, как может показаться, а популярный персонаж акритского фольклора IX–XI вв., распространенного среди военного сословия. С этим сословием Акрополит скоро познакомится, став претором в 1256 г., когда будет крайне неудачно командовать армией в западной Македонии [11, р. 12].

Харон – не риторический прием (идиома), как в тексте патриарха Фотия [25, р. 140^{11–14}], а сам по себе Смерть. Харон в эпитафии Георгия Акрополита, перенял все функции античного Аида, став полноправным правителем загробного мира, он вполне аналогичен античному Плутону. Такой Харон – хтоническое божество «нижнего» мира, именно Харона (или Хароса, или Харонтаса) представляют акритские песни.

Стоит обратить внимание, что у Акрополита Харон вооружен мечом (типичное оружие Хароса в акритских песнях [34, с. 226, 230]), а этот меч оказывается сильнее боевой секиры мертвого императора. Противопоставление меча секире намекает нам о схватке между императором и Харосом. А это является еще одним типичным сюжетом акритских песен, когда герой на пике своей военной славы (Дигенис, Василий, Константин) всегда вступает в бой с Харосом [35, с. 300, 302–303].

Акрополит пишет, что император Иоанн стал добычей меча Харона, хотя его боевая секира превосходила самого Плутона (καὶ κατεκαυχῆσατο καὶ αὐτοῦ τὸ τοῦ Πλούτωνος βέλεμνον?) [12, р. 13]. Император был властен и могущественен, но Смерть в лице Харона установила предел его власти.

Иоанн Дука как воин, так же как Дигенис Акрит в «народных» песнях, вступил в схватку со смертью, так же как и Дигенис Акрит, он ее не может одолеть. В определенном смысле смерть Иоанна Дуки – это еще и наказание за его чрезмерную гордыню. «Разве он не возвышался и не хвастался и гордился чрезмерно?» – спрашивает Георгий Акрополит. Разве Харон не восстановил порядок, уравновесив гордыню Иоанна Дуки его полным поражением?

Кроме этого, как писал П. Гротовский, в византийской официальной символике меч был выражением судебной власти [17, р. 366] и сам по себе выражал идею правосудия и наказания за грехи. Власть меча – это не что иное, как власть наказывающего римского права [2, с. 54]. В этом смысле Харон/Харос, пришедший к императору Иоанну Дуке с мечом, воплощал идею расплаты четко и недвусмысленно.

Тема зависти хтонических сил успешным или счастливым людям очень популярна в греческой литературе. Поэтому Харон/Харос

выравнивает счастливую жизнь, принося в нее страдание, часто по наставлению самого Бога [35, с. 303, 305].

Мы видим, что в этом отрывке эпитафии Георгий Акрополит опирается на фольклорный сюжет схватки с Харосом, что делает текст более живым и близким для византийского читателя. К такому же приему прибегал Михаил Пселл в поэме, посвященной смерти севасты Марии Склир, умершей около 1054 года.

Во-вторых, стоит внимательно вслед за К. Прехтором [28, S. 487] присмотреться к выражению Георгия Акрополита «император стал параналомой Харона» (Χάρωνος γεγένηται παρανάλωμα) [12, р. 13]. На наш взгляд, парανάλωμα – это крайне интересное слово, которое уводит нас в архаический и хтонический мир, а Георгия Акрополита представляет как замечательного знатока самых разных философских и медицинских текстов, в частности неоплатонических сочинений Иоанна Филопона [18, S. 390] и Симпликия Киликийского [31, р. 194].

В переводе эпитафии Георгия Акрополита П. И. Жаворонковым Иоанн Дука стал «добычей» Харона [3, с. 219]. Такая трактовка понятия парανάλωμα вызывает у нас вызывает сильные сомнения. Парανάλωμα – это всегда потеря, превращение в «отброс», в мусор или пепел¹. Перед нами не акт присвоения (получение добычи или выгоды), а прямо наоборот – процесс вычитания из жизни и мира живых людей. Акрополит пишет, что всемогущий император стал «добычей» меча Харона, а Харон превратил его в «отброс», император Иоанн Дука стал параналомой Харона.

Выражение «параналома Харона», на наш взгляд, выражает целое хтоническое мировоззрение, основанное на своеобразном символическом обмене и достаточно традиционных медицинских представлениях о смерти, с которыми Акрополит мог познакомиться, изучая медицину у Никифора Влеммида (1197–1272 гг.) [14, S. 3].

Труп в этих очень традиционных античных медицинских представлениях – это и есть параналома, то есть грязь или нечистоты. Параналома – результат растраты самого существа жизни, как если бы жизнь была субстанцией (кровь часто может быть такой субстанцией). Риторическое выражение парανά-

λωμα γιγνόμενοι, идущее как минимум от Эзопа, означает умереть, стать грязью, обратиться в отброс или смешаться с грязью. Это устойчивое выражение стало достаточно распространенным в византийской философской и богословской литературе синонимом случайной, трагической или внезапной гибели. Так, у Григория Назианзина параналома возникает из-за какой-то нелепой случайности и является еще одним риторическим топосом непредсказуемой человеческой судьбы [30, р. 188].

Показательно, что часто словосочетание парανάλωμα γεγένεσθαι используется византийскими авторами в отношении изменчивой и неуловимой военной удачи и непредсказуемой судьбы человека на войне вообще [23, р. 91; 22, р. 216]. Превратится в параналома может означать стать «жертвой» обидной и часто бессмысленной². У Василия Кесарийского (ок. 330–379 гг.) вино превращает сильного, молодого, прекрасно вооруженного война в параналома. Что может быть обидней [5, р. 457]? Каин, убив Авеля, тоже превратил его в параналома [6, р. 113].

Как морализирует неизвестный автор словаря Суда (X в.), люди растрачивают свою жизнь в «неумных развлечениях» [32, alpha 3293], такая жизнь тратится впустую [32, kappa 71]. Человеческая жизнь «стирается», будто монета [32, epsilon 2727].

Такая слабость человеческой жизни и ненадежность человеческого тела являлась важным аргументом христианской проповеди. Без веры в Бога, как писал Василий Кесарийский, человек обречен всегда быть «добычей охоты смерти» [4, р. 448], человек неизбежно станет параналомой, лишь христианский Бог может освободить от этой страшной участи.

У Григория Нисского слабое человеческое тело без Бога обречено на гибель [16, р. 14¹⁰], а вот душа живет вечно и имеет настоящую возможность спастись верою. В этом смысле человеческое тело – это всего лишь «форма» [21, р. 644] или «сосуд» [26, р. 124⁵⁻⁶], вмещающий христианскую душу. Когда Харон разбивает эту «форму», он освобождает душу из «временного убежища»³. В этом смерть даже положительна. В самой смерти нет ничего плохого, а отвратительность трупа – это на самом деле не что иное, как отвратительность греха.

Итак, если труп – это параналома (отброс) [26, р. 124⁵⁻⁶], то «нижний мир» – это целое царство грязи, мусора, место скверны и экскрементов.

В этом контексте Аид, как писали Антигон из Каристы (III в. до н. э.) [24, р. 32¹⁰⁶] и Евдокс Книдский (ок. 408–355 гг. до н. э.) [9, р. 39¹²⁷] – это «Хароновы пропасти» (Χαρῶνεια βάραθρα), которые представляются баратром (βάραθρον), ямой, или рвом, наполненными нечистотами и отбросами.

Показательно, что в письме Мартиану Василий Кесарийский также описывал сточную канаву – баратр (βάραθρον), которую он называл Хароновой. Χαρῶνεια у Василия, «предписывающая явиться каждого» [4, р. 448], – устойчивый литературный топос неизбежной смерти. Христианский автор прибегает к нему в чисто риторических целях – не только четко и понятно для собеседника выразить свою мысль, но и блеснуть своими знаниями.

Похожее описание «нижнего» мира мы можем найти в неоплатонических Комментариях на сочинение Аристотеля «О душе» Иоанна Филопона (ок. 480–570 гг.) [18, S. 390] и его традиционного оппонента Симпликия Киликийского (ок. 490–560 гг.) [31, р. 194], которые в свою очередь опираются на медицинские сочинения Эрасистрата, Галена и Гиппократы. Эти авторы в своих сочинениях внимательно рассматривали Χαρῶνεια πνεύματα, то есть «тяжелый», «спертый», заразный воздух, который время от времени вырывается из «нижнего» мира на поверхность и несет гибель людям и животным [10, fragment 104].

Выводы. В итоге перед нами предстает целая литературная традиция, вращающаяся вокруг натурфилософского прочтения фольклорного подземного мира и Харона, которая дает для Георгия Акрополита большой запас метафор и возможность показать свою образованность.

Превращение всесильного императора в «отброс» – целая драма в эпитафии Георгия Акрополита. Показательно, что эта драма дается в эмоционально сильных фольклорных образах (Харон/Харос), которые опираются на весьма «темные» архаичные медицинские представления. В этих конструкциях существенную роль играют хтонические представ-

ления экономии и растраты самого существа жизни. То есть смерть и загробный мир в их архаичном понимании совсем не вытеснены богословским образованием и религиозным сознанием, а присутствуют фоном даже в таком рафинированном сочинении, как эпитафия Георгия Акрополита на смерть императора Иоанна III Дуки Ватаца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Паранάλωμα может относиться к факту растраты чего-либо [27, р. 116], пустой траты времени [8, р. 504], или говорить о действии огня, поглотившего и оставившего после себя лишь пепел [15, р. 91; 13, р. 124²⁰]. У Зонары паранάλωμα – это уничтожение [19, vol. 2, р. 1513].

² Элиан описывает, как в ловушки, подготовленные охотниками, попадают куропатки, привлеченные пением. Обманутые, они становятся «жертвой» своего любопытства [7, р. 57]. Люди ведут себя ничуть не лучше глупых животных.

³ Фотий разъясняет, что не сама смерть превращает тело в параналома, но скорее время разлагает труп. Болезнь приносит за собой порчу, а смерть окончательно разрушает непрочную форму тела, чтобы возникла новая, более крепкая.

REFERENCES

- Zhavoronkov P.I. Nekotoryye aspekty mirovozzreniya Georgiya Akropolita [Some Aspects of the Worldview of George Akropolites]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1986, vol. 47 (72), pp. 125-133.
- Medvedev I.P. Smertnaya kazn v tolkovanii Feodora Valsamona [Death Penalty in the Interpretation of Theodore Balsamon]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1986, vol. 47, pp. 53-61.
- Zhavoronkov P.I., ed. Epitafiya Georgiya Akropolita imperatoru Ioannu Duke [Epitaphium of George Akropolites to Emperor John Dukas] *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1987, vol. 47 (72), pp. 217-227.
- Basiliius Caesariensis. *Opera omnia. Vol. 3.* Paris, J.-P. Migne, 1857. 1848 p. (Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca; vol. 31).
- Basiliius Caesariensis. *Opera omnia. Vol. 4.* Paris, J.-P. Migne, 1857. 1524 p. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 32).
- Basiliius Seleuciensis. *Opera omnia.* Paris, J.-P. Migne, 1864. 1864 p. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 85).

7. *Claudii Aeliani de Natura Animalium Libri xvii, Varia historia, Epistolae, Fragmenta. In 2 vols. Vol. I.* Leipzig, Teubner, 1864. 488 p.
8. *Claudii Aeliani de Natura Animalium Libri xvii, Varia historia, Epistolae, Fragmenta. In 2 Vols. Vol. 2.* Leipzig, Teubner, 1866. 665 p.
9. *Die Fragmente des Eudoxos von Knidos.* Berlin, De Gruyter, 1966. 299 S.
10. *Erasistrati fragmenta: collegit et digessit.* Pisa, Giardini editori e stampatori in Pisa, 1988. 215 p.
11. *George Akropolites. The History. Introduction, Translation and Commentary.* Oxford, Oxford University Press, 2007. 440 p.
12. *Georgii Acropolitae Opera. In 2 Vols. Vol. 2.* Stuttgart, Teubner, 1978. 120 p. (Continens Scripta minora, praecedit dissertatio de vita scriptoris).
13. De Boor, ed. *Georgii monachi Chronicon.* Lipsiae, In aedibus B.G. Teubneri, 1904. 699 p.
14. Georgius (Acropolita). *Die Chronik.* Stuttgart, Hiersemann, 1989. 294 S.
15. *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope. In 2 Vols. Vol. 1.* Bonn, Weber, 1838. 802 p.
16. *Gregorii Nysseni Opera, Supplementum: Auctorum Incertorum, Sermones de Creatione Homini, Sermo de Paradiso.* Leiden, Brill, 1972. 188 p.
17. Grotowski P. *Arms and Armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261).* Leiden, Brill, 2010. 630 p.
18. *Ioannis Philoponi in Aristotelis de anima libros commentaria. Commentaria in Aristotelem Graeca. In 23 Vols. Vol. 15.* Berlin, Reimer, 1897. 607 p.
19. Ioannis Zonara. *Lexicon. Ex tribus codicibus manuscriptis nunc primum.* Lipsiae, Vmtibvs Siegf. Lebr. Crvsii, 1808. Vol. 1. 1070 p.; Vol. 2, pp. 1076-2060.
20. Īorga N. Médaillons d'histoire littéraire byzantine. *Byzantion.* 1925, vol. II, pp. 286-287.
21. Joannes Chrysostomus. *Opera omnia. Vol. 5.* Paris, J.-P. Migne, 1862. 790 p. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 55).
22. *Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem. Et Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti.* Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 1828. 624 p.
23. *Nicephori Gregorae Byzantina historia: graece et latine. In 3 Vols. Vol. 1.* Bonn, Weber, 1829, 568 p.
24. *Paradoxographorum Graecorum reliquiae, recognovit, brevi adnotatione critica.* Milan, Istituto editoriale italiano, 1965. 340 p.
25. Photius. *Bibliothèque. Vol. 1–9. Vol. 7. Codices 246–256.* Paris, Les Belles Lettres, 1974. 234 p.
26. Photius. *Bibliothèque. Vol. 1–9. Vol. 8. Codices 257–280.* Paris, Les Belles Lettres, 1977. 232 p.
27. *Plutarchi vitae parallelae. Ad optimorum librorum fidem. T. IV.* Lipsiae, Sumtibus et typis Caroli Tauchnitil, 1829. 312 p.
28. Praechter K. Antikes in der Grabrede des Georgios Akropolites auf Johannes Dukas. *Byzantinische Zeitschrift*, 1905, Bd. 14, S. 479-491.
29. Richter G. Des Georgios Akropolites Gedanken über Theologie, Kirche und Kircheneinheit. *Byzantion*, 1984, vol. LIV, pp. 276-299.
30. Sajdak I. *Anonymi Oxoniensis Lexicon in orationes Gregorii Nazianzeni / Lexica Graeca minora.* Hildesheim, Olms, 1965. 398 p.
31. *Simplicii in libros Aristotelis. Commentaria in Aristotelem graeca. In 23 vols. Vol. 11.* Berlin, G. Reimer, 1882. 361 p.
32. Bekker I., ed. *Suidae Lexicon.* Berolini, Typis et impensis G. Reimeri, 1854. 1128 p.
33. Valdenberg V. Notes sur l'oraison funebre de G. Acropolite. *Byzantinische Zeitschrift*, 1929/1930, Bd. 30, S. 91-95.
34. Politis N.G. Akritika asmata. O thanatos tou Digeni [The Death of Digenes]. *Laographia [Folklore]. T. 1.* Athens, Typois P.D. Sakellariou, 1909, pp. 169-275.
35. *Tragoudia rōmaiika [Roman Songs] = Popularia carmina Graeciae recentioris.* Lipsiae, B.G. Teubner, 1860. 650 p.

Information About the Author

Evgeny V. Stelnik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

Информация об авторе

Евгений Викторович Стельник, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>